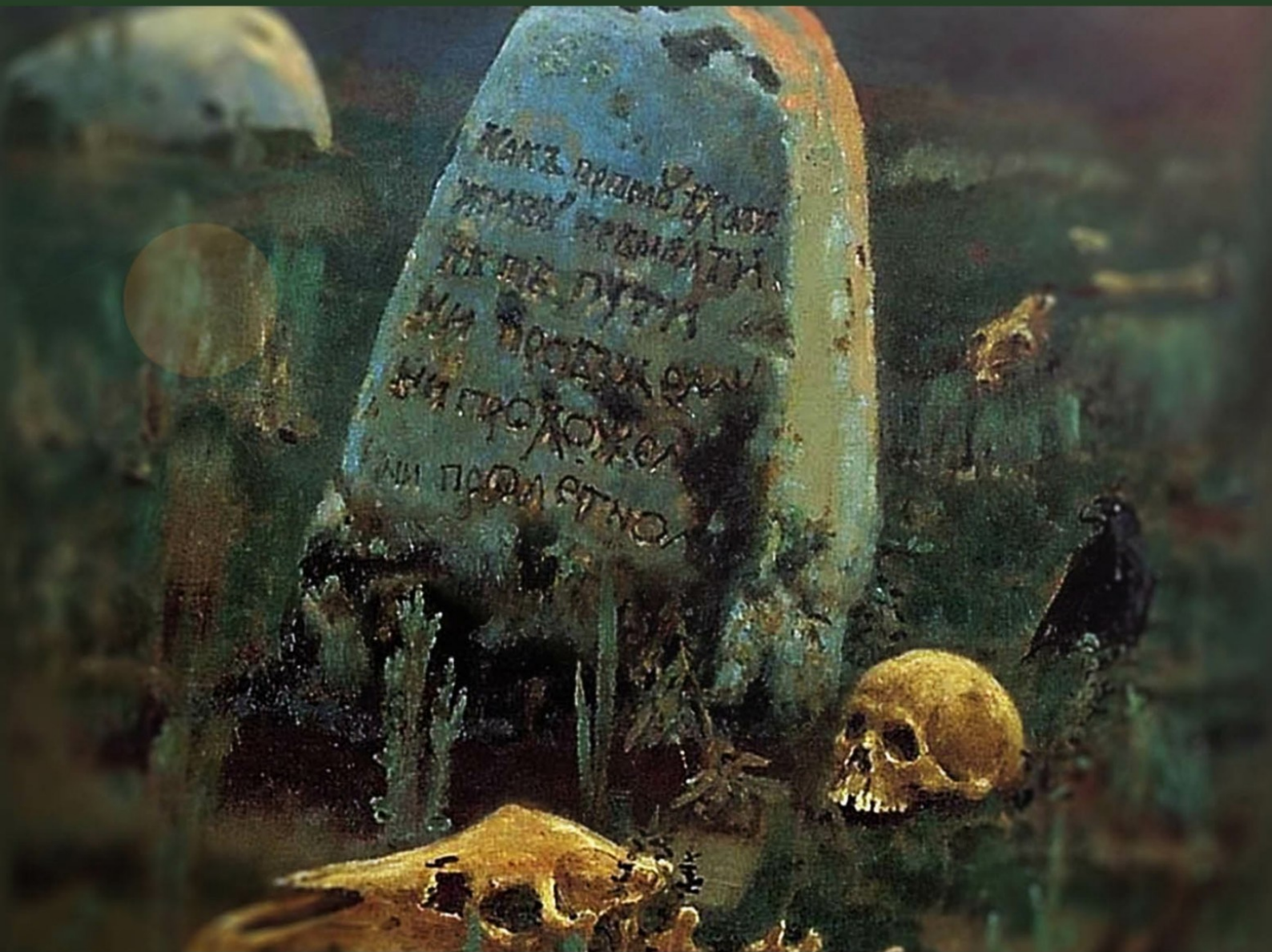

Алексей Бородкин

Последок

праздник закончился вчера

Алексей Бородкин

**Последок. Праздник
закончился вчера**

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Бородкин А. П.

Последок. Праздник закончился вчера / А. П. Бородкин —
«ЛитРес: Самиздат», 2017

Постапокалипсис. Впрочем, называть этот рассказ постапокалиптическим неверно. Это "репортаж с места событий". История непосредственных участников конца Света. Попытка понять и представить, как это будет. Не ждите радостных улыбок и хэппи-энда. Рассказ-встряска. Рассказ - холодный душ.

"Нужно вести себя, как обычно. Будто ничего не произошло".

Мысль глупая до абсурда, но когда она появилась, стало легче. Проще. Она принесла с собою порядок.

Димитрий выкопал картошку на монастырском поле. Не всю, естественно, осилил только пару соток; пока копал взмок и извозился в земле "как поросёнок". Подумал, что есть смысл посадить больше лука. Он любил лук. А картошки хватит и этой.

"Помирать собирайся, а репу сей!" – так говорил настоятель. Поднимал к небу покорёженный артритом палец, как бы демонстрируя, откуда есмь истекает елей мудрости.

Так и произошло – "мудрость" пришла с неба.

"Интересно где он теперь?" – Димитрий подумал о настоятеле.

Вытер рукавом лоб, почувствовал запах пота – подрысник пора выстирать. И кальсоны тоже.

"Не важно. Дай Бог, чтобы жил".

За картофельным полем начинались капустные ряды – ровные штрихпунктирные линии до самого оврага. Димитрию нравилась капустная белёсая зелень, нравилась геометрическая правильность кочанов и грядок. Он пытался сосчитать капустные головы, прикидывая, на сколько ему хватит. Получалось года на три. Даже если съесть по кочану в день.

И картошка, и капуста, и морковные кучерявые прямоугольники – всё осталось нетронутым. После двадцатого августа монахов не интересовал урожай. В один день всё перевернулось с ног на голову. Настоятель уехал в Москву (чего ради? что он надеялся там увидеть?) и больше не вернулся. Старцы и примкнувшие к ним монахи заперлись в столовой, забаррикадировали дверь. После трапезы и молитвы затопили печь и наглухо задвинули заслонку. Угорели все насмерть, и, кажется, это произошло безболезненно.

"Во всяком случае, – размышлял Димитрий, – нельзя считать, что они наложили на себя руки. Поленья в печь подкладывал пришлый схимник и заслонку задвинул тоже он. Крестил яростно лоб и плечи, приговаривал про грехопадение, про Армагеддон. Поминал геенну огненную и Страшный суд. Дикий человек, фанатичный".

Потом схимник куда-то исчез, и Димитрию от этого стало только легче. Невыносимо было видеть горящие безумью глаза, клочки пены по уголкам рта. Про него говорили, что он тридцать лет провёл в ските – маленькой лесной избушке. Питался корой и молился.

"Видать не помогло. Или плохо молился. Только свою душу поминал". – Что мысль греховна, Димитрий понял не сразу.

– А остальные? – спрашивал Зиновий Фёдорович, имея в виду обитателей монастыря.

В ответ Димитрий пожимал плечами и отвечал, что никого более не осталось.

– Так вся эта вольница теперь принадлежит тебе? – Зиновий Фёдорович поводил рукой, указывая на церковь, звонницу, жилой корпус. Чуть в стороне стояла облицованная кирпичом баня, за нею сход к реке, купальня. – Широко, брат, живешь. Завидую. – Судя по интонации, Зиновий Фёдорович шутил.

– Получается так. – Димитрию хотелось улыбнуться (он вообще-то был смешлив), но только эта эмоция казалась неуместной. Теперь неуместной.

Теперь многие чувства оказались лишними.

Зиновий Фёдорович спрашивал, почему не ушел он, Димитрий.

– А куда? – отвечал диакон. – Я и в толк не возьму, куда теперь можно пойти. Да и зачем уходить с насиженных мест?

Оставшись в монастыре в одиночестве, Димитрий растерялся. Потом всё само собой упорядочилось, как бывает в добротном хозяйстве.

Первые дни прошли за насущными заботами. Дмитрий хоронил старцев: заглядывал в здоровые, розовые от угарного газа лица и думал, не поторопились ли они? Быть может, всё обойдётся? И в травинке малой, и в росинке, и зорьке утренней не видно было опасности.

Починил изгородь (кто-то во гневе изломал штакетины), перильца укрепил около колодца (давно собирались). Занялся огородом.

Потом пришел запах. Если ветром тянуло с запада, с леса – воздух казался съедобным, густым (так было в первое время). К сосновому терпкому запаху примешивалось что-то ещё. Сладкое, возбуждающее аппетит. Кровяные колбаски – вертелось на языке такое слово. Довольно быстро "колбаски" испортились. Западный ветер стал неприятен до тошноты. На опушке Дмитрий наткнулся на труп лося. Молодая (помёта этой весны) белка валялась на тропе, ещё одна (возможно, сестра первой) повисла головой на рябине, в развилке. Словно нарочно лишила себя жизни.

– Почему они погибают? – спросил у Зиновия Фёдоровича.

– Радиация, – ответил тот. – Лучевая болезнь.

Дмитрий поднял голову и медленно кивнул, мол, понимаю. "Откуда он всё знает?" – подивился образованности собеседника. И ещё задумался, сколько Зиновию лет. Пятьдесят? Неужели он такой старый? Или больше?

– Коли так, почему тогда погоды такие замечательные?

Правильнее было бы спросить, почему медлит ядерная зима? Где грязный снег? Туман? Стужа?

Будучи мальчонкой, Дмитрий видел фильм... Сильнее всего в память врезалось название: "Письма мёртвого человека". На тумбе у кинотеатра висел плакат: в прозрачный разломленный Земной шар художник поместил голову человека (кажется, главного героя). И уже из самой этой "конструкции" становилось понятно, что человек не жилец на Белом свете. Что ему по силам, разве что, написать письмо... возможно два или три. Кому? Потомкам. Потомкам, которых нет и быть не может, поскольку Земля погибла.

Собственно фильма Дмитрий почти не запомнил – он слился в одну вязкую пугающую массу.

– Зима не за горами, мой мальчик, – произнёс Зиновий Фёдорович. – Азия, полагаю, уже в глубокой заднице. Если ты понимаешь, о чём я говорю.

– А почему так произошло?

Вместо ответа (вернее, перед ним), Зиновий Фёдорович протяжно посмотрел на своего молодого друга: "Иш ты... как выбухал... аллилуйя, долгополая. Мальчонкой под стол бегал, пузыри носом пускал, а теперь вот... жених. – Не к месту задумался: – Монашки считаются Богу невесты, а монахи, тогда, кем доводятся? Хм... Жаль, Дмитрий, не бывать тебе митрополитом. Не придётся мне твою ручку целовать".

– Откровенность за откровенность. Я поделюсь размышлениями с тобой, а ты – со мной. Согласен? – Диакон согласился. – Вот если бы тебе посулили, Дмитрий, что в момент твоей смерти весь Мир погибнет, это облегчило бы твою гибель?

– Вовсе нет! Напротив!

– Не торопись с ответом. Вообрази: ты принимаешь мученическую лютую казнь и понимаешь, что вместе с тобой сгинут и все твои мучители. Неужели это не принесёт тебе некоторого облегчения? А? Почти библейский сюжет, задумайся.

– Не понимаю, как это соотносится...

– А очень просто соотносится: Америка слишком давила на Северную Корею. В конце концов, корейцы решили, что им терять меньше, чем остальным – они не слишком-то избалованы жизнью. Они отбомбились по Японии. На таком малом расстоянии противоракетные системы даже не пикнули. За Японию ответили Штаты своими крылатыми ракетами. Корей-

цев поддержал Китай – атаковал американские авианосцы. Гуам, понятно, снесли не глядя, поскольку эта заноза под боком давно всех раздражала. Кто-то пульнул по Южной Корее... кто именно – до конца не понятно, да это и неважно – южанам всё одно не светило выжить в этом котле. Конфликт оказался слишком велик, чтобы мы оставались в стороне. Когда накрыло Приморье и Сахалин, президент открыл чемоданчик, надавил кнопку, ракеты полетели... А на всякое действие существует своё противодействие – так устроен Мир.

Зиновий Фёдорович красиво сложил руки перед грудью, а потом показал пальцами раскрывающийся бутон: "Бу-бух! Кра-кха-кха!"

Без малейшего перехода спросил, есть ли в монастыре винный погреб:

– Быть может, там осталось что-то, а? Хоть дюжина бутылочек красенького?

Димитрий потряс головой, удивился, как можно в такие моменты думать о вине.

– Не для пьянства, дурачок. Красное вино лечит.

– Я посмотрю... может у настоятеля было... в смысле осталось.

– Посмотри.

Вечером, прокручивая в голове разговор, диакон вспомнил про своё обещание: Зиновий Фёдорович хотел ответной откровенности, да ничего не спросил. "Запамятовал, очевидно. Но ничего, это даже хорошо". Димитрий решил, что это замечательный повод для встречи – порою ему становилось одиноко.

"Если это радиация, – рассуждал о смерти лесных зверей, – тогда рыба тоже должна пострадать".

Утром он спустился к реке, долго сидел на берегу. Удочку забросить побоялся (сам не понимая, почему), просто сидел и ждал. Ничего особенного не происходило. Всё, как всегда. В зарослях камыша стояла щука – охотилась на мелочёвку, пескари рыскали вдоль дна, плескались-рыбили карасики. "Вот и славно", – подумал диакон. В душе установилось спокойствие, почти такое же, как после причастия.

От монастыря к Грачевскому посёлку лежала асфальтированная дорога. Примерно на середине к ней примыкала грунтовка, напоминающая лесную тропу. Если быть точнее, примыкали две тропы, бежавшие рядом. По этой дороге – через неглубокий лог, ручей и поле – можно было добраться до имения Зиновия Фёдоровича Гурьева.

Когда-то эта земля принадлежала деду Зиновия Фёдоровича; в революцию деда раскулачили и сослали в Сибирь (которая располагалась не очень-то и далече), усадьбу национализировали. В шестидесятые годы здесь устроили обкомовский санаторий (кто-то из обкомовцев был родом из этих мест, ностальгия разыгралась), через пару лет санаторий переделали в пионерский лагерь (были времена, когда боролись с излишествами в органах власти), наконец – за недостатком финансирования – пионерлагерь забросили. Вывезли мебель и небольшие скульптуры из парка. Заколотили досками окна – крест-накрест, как в Великую Отечественную.

Зиновий Фёдорович – когда позволили доходы – выкупил фамильную землю. Бульдозером сдвинул с лица земли деревянные и бетонные строения – вычистил последствия социализма, построил каменную усадьбу (в большей части копируя усадьбу деда). Вернулось и прежнее название: Воздвиженская усадьба или просто – Воздвиженское.

С законной супругой Зиновий Фёдорович развёлся давно (в "прежние годы" – так он говорил), дочек пристроил к мужьям (вполне счастливыми браками), прислуги в доме не держал. Служила у него горничная, но и она – как это случилось со многими, – после двадцатого августа поддалась панике и исчезла в неизвестном направлении.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.